

ИЗУЧЕНИЕ ЖИТИЙ СВЯТЫХ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Введение

Мое выступление должно ответить целям конференции, посвященной взаимному познанию в той мере, в какой она и возникла в заинтересованных исследовательских кругах. Область моего изучения — агиография, и этот термин понимается не в этимологическом, а в историческом смысле, как это отныне принято в историографии, т. е. как совокупность научных изысканий, относящихся к явлению святости и культуре святых.¹

Я расположила свои размышления в следующем порядке: сначала я рассуждаю о том внимании, которое обращали на житийный текст церковные эрудиты в течение длительного периода вплоть до наших дней; затем останавливаюсь на вкладе социальных наук в изучение житийной литературы в XX в.; наконец, говорю об окончательной легитимации изучения житийной литературы в историографии и о его вкладе в обновление тем и проблем через привлечение новых и разнообразных источников и междисциплинарных подходов.²

¹ Я предложила некоторые свои соображения по проблеме терминологии в работе: *Boesch Gajano S.* Introduzione // *Agiografia altomedioevale*. Bologna, 1976. P. 7. Но попыток определения множество, начиная с образцового труда: *Aigrain R.* L'hagiographie: Ses sources, ses méthodes, son histoire: Reproduction inchangée de l'édition originale de 1953, avec un complément bibliographique par R. Godding. Bruxelles, 2000. P. 7—8. (Subsidia Hagiographica; Vol. 80); см. также в этом же томе: *Godding R.* Introduction. P. V—VIII. И еще: *Philippart G.* Hagiographes et hagiographie, hagiologues et hagiologie: **des mots et des concepts // Hagiographica. 1994. № 1. P. 1—16. О терминологии и о содержании термина см. также: Vauchez A.** Santità // *Enciclopedia*. Torino, 1981. Vol. 12. P. 441—453; *Grégoire R.* Manuale di agiologia. Fabriano, 1987. 2 ed.: 1996; *Dubois J., Lemaître J.-L.* Sources et méthodes de l'hagiographie médiévale. Paris, 1993.

² Мне кажется полезным указать здесь, в начале, некоторые книги, возникшие в результате длительного коллективного размышления, предшествовавшего и сопровождавшего рождение AISSCA (Associazione italiana per lo studio della santità, dei culti e dell'agiografia — **Итальянская ассоциация по изучению святости, культов и агиографии**): Santità, culti, agiografia: Temi e prospettive: Atti del I Convegno dell'Associazione italiana per lo studio della santità, dei culti e dell'agiografia, Roma, 24—26 ottobre 1996. Roma, 1997; Modelli di santità e modelli di comportamento: Contrasti, intersezioni e complementarità. Roma, 1994. (Sacro/Santo; Vol. 10); Scrivere di santi. Roma, 1998; Erudizione e devozione: Le raccolte di Vite di santi in età moderna e contemporanea. Roma, 2000. (Sacro/Santo. N. s.; Vol. 4); Miracolo: Dai segni alla storia. Roma, 2000 (Sacro/Santo. N. s.; Vol. 1); *Benvenuti A., Boesch Gajano S., Ditchfield S., Rusconi R., Scorza Barcellona F., Zarri G.* Storia della santità nel cristianesimo occidentale. Roma, 2005 (Sacro/Santo. N. s.; Vol. 9), с введением историографического характера и богатой **хронологической и тематической библиографией. Добавлю ссылку на некоторые мои общие историографические размышления: Boesch Gajano S.** Santi e culti: un progetto collettivo // Di-

Агиографический текст: от церковной эрудиции к электронным каталогам

Основы научного изучения житийной литературы были заложены на рубеже XVI—XVII вв. Этот результат был подготовлен длительным и сложным процессом, продиктованным требованиями литературы и исторической критики, проявившимися на рубеже XV—XVI вв., когда новые духовные и культурные запросы вызвали критическое отношение к признанным суеверными формам культа и к фантастическим рассказам.³

Настоящий поворот в истории Запада, конечно, определяется Реформацией и ее отрицанием посреднической функции святых, которое сопровождалось жесткой критикой форм культа, признанных идолопоклонническими, хотя оно и не затронуло веру в древних мучеников и не помешало формам признания новых мучеников, как об этом свидетельствуют протестантские мариологи.⁴

Ответ с католической стороны последовал, как известно, на Тридентском соборе, который с защитой почитания святых в теологическом плане соединил

mensioni e problemi della ricerca storica. 1988. № 2. P. 131—142; Sacro/Santo: Un percorso di ricerca, una collana di storia religiosa // La ricerca folklorica. 1995. № 31 (aprile). P. 139—140; Les recherches en hagiographie en Italie: Séance d'Hagiologia, Louvain, 25 avril 1997, résumé des communications // Litterae hagiologicae. 1997. № 3. P. 3—4. Общий взгляд на концепты, источники, историю и историографию см.: *Boesch Gajano S.* La santità. Bari; Roma, 1999; сюда включена аннотированная библиография. О Средних веках см. обзор с аннотированной библиографией: *Longo U.* 1) La santità medievale. Roma, 2006; 2) Esemplarità e santità // *Il Cristianesimo: Grande Atlante. Vol. 2: Ordinali, gerarchie, pratiche.* Torino, 2006. P. 774—786 (текст), 927—929 (библиография).

³ Именно **Эразм Роттердамский весьма энергично сформулировал эту критику, разрабатывая** биографию Иеронима: *Erasmus da Rotterdam.* Vita di San Girolamo: edizione critica e traduzione, ed. A. Morisi Guerra. L'Aquila; Roma, 1988. P. 33—38. Общий взгляд на преобразования этого рода на рубеже Средних веков и Нового времени см.: *Boesch Gajano S.* Dai leggendari medioevali agli «Acta Sanctorum»: forme di trasmissione e nuove funzioni dell'agiografia // Rivista di storia e letteratura religiosa. 1985. № 21. P. 219—244; Raccolte di Vite di santi dal XIII al XVIII secolo: Strutture, messaggi, fruizioni. Fasano di Brindisi, 1990. (Università degli Studi di Roma «La Sapienza», Collana del Dipartimento di studi storici dal medioevo all'età contemporanea; Vol. 5). **Детальный и четкий обзор, касающийся геополитической тематики и сопровождаемый обширной библиографией, можно найти в томах:** Hagiographies: Histoire internationale de la littérature hagiographique latine et vernaculaire en Occident des origines à 1500: 4 voll. Turnhout, 1994—2006. Не следует забывать и о новаторских исследованиях, особенно об эпохе гуманизма: *Cochrane E.* Historians and Historiography in Italian Renaissance. Chicago, 1981; *Webb D.* Eloquence and Education: a Humanist Approach to Hagiography // Journal of Ecclesiastical History. 1980. № 31. P. 19—39; *Weiss J. M.* Hagiography by German Humanist, 1483—1516 // Journal of Medieval and Renaissance Studies. 1985. № 15. P. 299—316; и самые свежие: *Spanò Martinelli S.* Bonino Mombrizio e gli albori della scienza agiografica // Erudizione e devozione: Le raccolte di Vite di santi in età moderna e contemporanea. Roma, 2000. P. 3—18. (Sacro/Santo. N. s.; Vol. 4); *Dunn Lardeau B.* 1) Le conseguenze dell'Umanesimo e del Concilio di Trento sulla scrittura agiografica // *Ibid.* P. 19—35; 2) De bene beateque vivendi institutio per exempla sanctorum (1498) de Marko Marulic ou l'hagiographie médiévale revue par l'humanisme chrétien pré-tridentin, in Europa Sacra: Raccolte agiografiche e identità politiche in Europa fra Medioevo e Età moderna. Roma, 2002. P. 243—257. (Università degli Studi Roma Tre, Dipartimento di Studi Storici Geografici Antropologici, Studi e Ricerche; Vol. 7); *Frazer A. K.* Possible Lives: Authors and Saints in Renaissance Italy. New York, 2005. P. 101—167; *Pagnotta L.* Le edizioni italiane della «Legenda Aurea» (1475—1630). Firenze, 2006. (Biblioteca di Apax; Vol. 1).

⁴ Об отношении реформаторов церкви к почитанию святых и агиографии основополагающими являются исследования: *Cavallotto S.* 1) «Heiligentexte»: devozione ai santi e riforma liturgica nelle chiese protestanti // Hagiographica. 2001. № 8. P. 233—256; 2) Sui martirologi protestanti del XVI secolo: Appunti e interrogativi per una ricerca // Europa Sacra. P. 321—351; они воспроизведены в исчерпывающей монографии: *Santi nella Riforma: Da Erasmo a Lutero.* Roma, 2009. (Sacro/Santo, N. s.; Vol. 12), — где можно найти предшествующую ей библиографию. Об Англии см.: *Bergamasco L.* Hagiographie et sainteté en Angleterre aux XVIe—XVIIe siècle // Annales. E. C. S. 1993. № 48. P. 1053—1085.

мощную папскую и, что здесь нас более интересует, историко-культурную работу. Можно говорить о крупном европейском интеллектуальном движении, которое в своем распространении из наиболее влиятельных центров — Рима, Бельгии, Франции — через прямые исследования и вовлечение множества эрудитов затронуло жизнь и в провинции. Для Италии с ее неоднородной политической географией это развитие эрудиции стало особенно плодотворным для пересмотра истории различных городов, получивших от религии один из основополагающих элементов своей идентичности.

Средоточием и опорой этого католического «наступления» в плане эрудиции и критического осмысления был «Мартиролог римский», изданный в 1584 г. в Риме кардиналом Цезарем Баронием (Cesare Baronio; 1538—1607). Этот труд должен был не только утвердить центральное положение культа святых в церкви, но и снабдить Римскую церковь инструментом, унифицирующим местные культы в единый пантеон; это был настоящий «манифест» всеобщности католической церкви.⁵ Более весомой и долговечной исторической значимостью обладало начинание, названное по имени бельгийского иезуита Жана Боллана (Bolland) — издание «Деяний святых» («Acta Sanctorum»), начатое в 1643 г. и касавшееся святых, признанных церковью согласно недавним постановлениям Урбана VIII (1625 и 1634 гг.). Его можно рассматривать как некую веху в истории европейской историографии. Труд, расположенный по порядку литургического календаря, предусматривал не переписывание жития каждого святого, но обнародование самых древних повествовательных источников (страстей, житий, сборников чудес, иногда дел о канонизации), которое предвлялось историко-критическим комментарием, предназначенным разъяснить все свидетельства, не только письменные, но и археологические, эпиграфические, иконографические, подвергнутые тщательному критическому отбору.⁶

Поиск исторической истины, рассматриваемой как единственное орудие защиты деятельности святых и их почитания и вместе с тем как настоящее противоядие от форм поклонения с оттенком суеверия, остается глубинным критерием всей болландианской истории, — критерием, отстаиваемым с нравственной и интеллектуальной твердостью в защиту исторической истины против

⁵ О Цезаре Баронии см. материалы конференции: Baronio storico e la Controriforma. Sora, 1982; Cesare Baronio tra santità e scrittura storica: Colloquio internazionale di studi, Roma, 25—27 giugno 2007 (в печати); Baronio e le sue fonti: Atti del Convegno Internazionale di studi, Sora, 10—13 ottobre 2007. Sora, 2009. См. также монографию: Zen S. Baronio storico: Controriforma e crisi del metodo umanistico. Napoli, 1994. (*La ricerca umanistica*; Vol. 2); и, прежде всего, исследования Дж. А. Гваццелли, посвященные Римскому мартирологу, которые сначала стали предметом его докторской диссертации (на степень доктора истории христианства и церквей, Римский университет *Tor Vergata*), затем отдельных публикаций («*Introduzione*» и доклад «*Cesare Baronio attraverso il Martyrologium Romanum*» в материалах упомянутой конференции, а также: Cesare Baronio tra santità e scrittura storica; *L'immagine del Christianus Orbis nel Martyrologium Romanum // Sanctorum*. 2008. № 5. P. 261—284) и в скором времени будут собраны в монографии.

⁶ Ср. недавнее издание «*Bollandistes: Saints et légendes: Quatre siècles de recherche*» (Bruxelles, 2007), ценное также приведенной в нем библиографией, которая освобождает меня от необходимости приводить здесь многочисленные внутренние и внешние публикации об Обществе болландистов, воскрешающие его историю и подчеркивающие важность этого великого предприятия; и материалы конференции, состоявшейся в Брюсселе 5 октября 2007 г.: De Rosweyde aux Acta Sanctorum: La recherche hagiographique des Bollandistes à travers quatre siècles: Actes du Colloque international (Bruxelles, 5 octobre 2007). Bruxelles, 2009.

периодических нападков со стороны более традиционалистских католических кругов. Самым авторитетным одобрением болландианской методологии стало сочинение «De servorum Dei beatificatione et de beatorum canonizatione» («О слуг Божиих беатификации и о блаженных канонизации», 1734—1738) Просперо Ламбертини, впоследствии папы Бенедикта XIV.

Общество болландистов (*La Société des Bollandistes*) продолжало непрерывную деятельность по изданию агиографических текстов и монографических исследований (*Analecta Bollandiana* и *Subsidia Hagiographica*), получая поддержку таких выдающихся фигур как, например, И. Делеэ (H. Delehayе).⁷ Ему принадлежат некоторые фундаментальные методологические находки, — например, агиографические координаты для отождествления святого. Ему принадлежат также общие размышления о происхождении культа святых. Он отстаивает особость христианства в отличие тех историков религий XIX и XX вв., которые в русле «политеистических» интерпретаций этого явления, высказанных Юмом и Гиббоном, видели в святом преемника героев и языческих богов,⁸ а в агиографических легендах — выражение ожиданий, сходных с теми, что передаются мифом и сагой. С тех пор центральное положение в круге интересов исследователей агиографии занимали противоречивые отношения политеизма и монотеизма при формировании культа и совокупности характерных черт святого. С одной стороны, их изыскания утвердили монотеистическое теологическое основание и христологическую модель, постоянно действующую в агиографической литературе. С другой стороны, через все более утонченный анализ текстов они выявили формы «раздробления» священного. Это была теологическая и культовая обработка, способная создавать воплощаемые в образах реальных мужчин и женщин новые убедительные и гибкие формы посредничества между человеком и Божеством.⁹

Менялись цели исследования и методологические и дисциплинарные подходы, но агиографический текст не переставал быть предметом непрерывного научного осмысления. Наиболее важные новшества последних двух десятилетий касаются проблем идентичности, связанных с типологическим разнообразием (страсти, жития, сборники чудес, литургические тексты), целями и формами передачи (пассионарии (сборники страстей), легендарии (сборники житий) — от восходящих к раннему Средневековью, предназначенных для чтения, до сокращенных, создаваемых с XIII в. для нужд проповеди, таких как

⁷ Полную библиографию см.: *Delehayе H.* Les légendes hagiographiques. 4 ed. Bruxelles, 1955. (*Subsidia hagiographica*; Vol. 18); его исследование о происхождении культа святых см.: *Delehayе H.* 1) Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1912 (2 ed.: 1933). (*Subsidia hagiographica*; Vol. 20); 2) Essai sur le culte des saints dans l'antiquité. Bruxelles, 1927. (*Subsidia hagiographica*; Vol. 17); ср.: *Scorza Barcellona F.* Le origini // *Benvenuti A., Boesch Gajano S., Ditchfield S., Rusconi R., Scorza Barcellona F., Zarri G.* Storia della santità... P. 22—24. Дебаты о происхождении не утихают до сих пор: *Brown P.* The cult of saints. Chicago University Press, 1981, на итал. яз.: Il culto dei santi. Torino, 1983; Il culto dei santi // *Cassiodorus.* 1996. Vol. 2. P. 121—241; *Filoramo G.* Le origini della santità cristiana // *Diventare santo: Itinerari e riconoscimenti della santità tra libri, documenti e immagini.* Cagliari; Città del Vaticano, 1999. P. 10—15; *Zocca E.* Dai «santi» al «santo»: Un percorso storico linguistico intorno all'idea di santità (Africa romana, secc. II—V). Roma, 2003. (*Verba Seniorum.* N. s.; Vol. 13).

⁸ В частности: *Lucius E.* Die Anfänge des Heiligenkultes in der christlichen Kirche. Tübingen, 1904, переизд.: 1966; и: *Saintyves P.* Les saints successeurs des dieux. Paris, 1907.

⁹ Ср. ряд статей, посвященных культу святых в разделе «La discussione»: *Cassiodorus.* 1996. Vol. 2. P. 121—242.

«Золотая Легенда» (*Legenda Aurea*) Якова Ворагинского).¹⁰ Среди их особенностей — подвижность текста, т. е. множество засвидетельствованных рукописной традицией различных версий, от простых вариантов до форм настоящей переработки, которые оказывают (например, пролог) воздействие на саму методологию критического издания.¹¹

Эта отличающая житийные тексты особенность — подвижность — уходит корнями в особенность «биографической» памяти, включающей не только жизнь, понимаемую в биологическом смысле, но и жизнь после смерти, т. е. длительное «присутствие» святого в исторической действительности, выражаемое в приписываемой его мощам чудотворной силе (*virtus*). Все вместе это вело к почитанию святого и возведению его в пример, а также ради усиления авторитета к установлению института принадлежности ему (патроната).¹² Цели и формы использования агиографического письма менялись, приспособляясь к новым религиозным требованиям развивающегося общества. Эти преобразования касаются облика самого святого, — достаточно вспомнить трансформации агиографического образа знаменитых святых: например, такого несомненно исторического святого, как Иероним,¹³ или такого исторически сомнительного персонажа, как Мария Магдалина.¹⁴ Касаются они и обновлений в части чудес, приписываемых мощам.

¹⁰ Помимо уже упомянутой книги Aigrain «L'hagiographie», см.: *Dubois J.* Les martyrologues du Moyen Age latin. Turnhout, 1979. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental; Vol. 26); *Philippart G.* 1) Les legendiers latins et autres manuscrits hagiographiques. Turnhout, 1977. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental; Vol. 24—25); 2) Martirologi e leggendari // *Lo spazio letterario del medioevo*. 1: Il Medioevo latino; 2: La circolazione del testo. Roma, 1992. P. 605—648; *Sot M.* Gesta episcoporum Gesta abbatum. Turnhout, 1981. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental; Vol. 37); *Boesch Gajano S.* Leggendari // *Dizionario di omiletica*. Torino; Bergamo, 1998. P. 761—764; и об основных линиях развития см. мою статью «Dai leggendari medievali».

¹¹ Важна работа: *Philippart G.* Pour une histoire générale, problématique et sérielle de la littérature et de l'édition hagiographiques latines de l'antiquité au Moyen Âge // *Il culto dei santi*. P. 197—213; учесть ее выходы необходимо при обсуждении нашей темы: *L'edizione critica dei testi agiografici // Sanctorum*. 2004. № 1.

¹² Более полное изложение этих размышлений см.: *Boesch Gajano S.* 1) *Le metamorfosi del racconto // Lo spazio letterario di Roma antica*. 3: La ricezione del testo. Roma, 1990. P. 217—243, и особенно: 2) *L'agiografia // Morfologie sociali e culturali in Europa fra Antichità e Medioevo*. Spoleto, 1998. P. 797—849. (Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo; Vol. 45). Среди работ, с которыми я также спорю, см.: *Uyffanghe, M. van.* 1) *Heiligenverehrung II (Hagiographie) // Reallexikon für Antike und Christentum: Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der Antiken Welt*. Stuttgart, 1988. Vol. 14. Col. 150—183; 2) *L'hagiographie: un genre chrétien ou antique tardif? // Analecta Bollandiana*. 1993. Vol. 111. P. 135—188; 3) *Biographie II (spirituelle) // Reallexikon für Antike und Christentum: Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der Antiken Welt*. Stuttgart, 2000. Supplement-Band 1. Col. 1088—1364; *Leonardi C.* *Agiografia // Lo spazio letterario del medioevo*. P. 421—462; *Scorza Barcellona F.* 1) *Agli inizi dell'agiografia occidentale // Hagiographies*. Vol. 3. P. 17—97; 2) *Le origini...*

¹³ О трансформациях иконографии Иеронима см.: *Russo D.* *Saint Jérôme en Italie: Etude d'icographie et de spiritualité (XIIIe—XVe siècle)*. Paris; Rome, 1987.

¹⁴ *Boesch Gajano S.* *Il culto di Maria Maddalena nell'Occidente medievale: Problemi di metodo e di scienza agiografica // Rivista di storia e letteratura religiosa*. 1979. Vol. 15. P. 436—444; см. также глубокие исследования В. Саксера, в частности: *Saxer V.* *Le culte de Marie Madeleine en Occident dès origines à la fin du Moyen Age*: 2 voll. Auxerre; Paris, 1959. Об образе Магдалины см. еще два тома: *Marie Madeleine dans la mystique, les arts et les lettres*. Paris, 1989; *L'image de la Madeleine du XV au XIXe siècle*. Fribourg, 1996; и прекрасную словарную статью: *Scattigno A.* *Maria Maddalena // Il Grande Libro dei Santi*. Cinisello Balsamo, 1998. Vol. 2. P. 1326—1331.

Интерес к агиографическим текстам, составившим основу болландианских сводов (*Biblioteca Hagiographica Latina, Graeca, Orientalis*), порождает различные начинания: достаточно вспомнить «*Typologie des sources du Moyen Age*», «*Hagiographies*» под руководством Л. Женико (L. Genicot), электронные своды, подготовленные П. Бертраном (P. Bertrand) и М. Тригале (M. Trigalet), «Итальянскую агиографическую библиотеку» («*Biblioteca Agiografica Italiana*»), свод текстов на итальянском языке, подготовленный Ж. Далару (J. Dalagun) и Л. Леонарди.¹⁵

Агиография и общественные науки

Непрерывное внимание к письменным текстам в последние десятилетия сочеталось с новыми историографическими интересами, которые пересекаются с новыми дисциплинами, особенно из области общественных наук, создавая новые подходы к теме поклонения святым и расширяя круг привлекаемых свидетельств. Выражение «агиографический текст» обогащается при этом множеством новых значений. Среди них — литургия, изображения (с целой гаммой типологий), предметы культа, votivные предметы, устные и фольклорные свидетельства, музыка, вплоть до всеобъемлющего понимания, предложенного Жаном-Клодом Шмиттом.¹⁶ В 1960-е гг. начинают осознаваться возможности рассматриваемых во всем их многообразии агиографических свидетельств не только для истории святых и святости¹⁷, но и для комплексных исторических исследований.¹⁸

Некоторые хронологические совпадения можно рассматривать как выражение новой ситуации в историографии. В 1965 г. чехословацкий ученый Ф. Граус подчеркивал значение для реконструкции эпохи Меровингов и истоков феодализма именно агиографических источников, которые позволили ему осознать постепенное сближение церковного мира и политической власти, ставшее предпосылкой для политического и правового упорядочивания в эпоху Каролингов.¹⁹ В том же году А. М. Орселли с помощью тонкого филологического анализа текстов поздней латинской культуры и самого раннего Средневековья выделил возникшие в классической латыни изменения, касавшиеся терминов «патрон» и «клиент» и обозначившие отношения покровительства и

¹⁵ *Biblioteca Agiografica Italiana (BAI): Repertorio di testi e manoscritti, secoli XIII—XV*. Firenze, 2003.

¹⁶ Ссылаюсь на книгу: *Les saints et les stars: Le texte hagiographique dans la culture populaire: Études présentées à la Société d'Ethnologie française, réunies par J.-C. Schmitt*. Paris, 1983.

¹⁷ Первым трудом стала: *Bibliotheca Sanctorum: 14 voll.* Roma, 1961—1970; за ней последовала: *L'Histoire des saints et de la sainteté chrétienne: 10 voll.* Paris, 1986—1988, на итал. яз.: 1991; и: *Il Grande Libro dei santi. Dizionario Enciclopedico: 3 voll.* Cinisello Balsamo, 1998.

¹⁸ Впервые это было предложено в цитированной выше антологии «*Agiografia altomedievale*» 1976 г.; потом в кн.: *Saints and their Cults: Studies in religious Sociology, Folklore and History*. Cambridge; London; New York, 1983. Серьезное развитие исследований началось после обобщающего обзора: *Boesch Gajano S. Il culto dei santi: filologia, antropologia e storia // Studi Storici*. 1982. № 1. P. 119—136. О некоторых его чертах см.: *Boesch Gajano S. Cenni di storiografia // La santità*. P. 119—130, с соответствующей библиографией.

¹⁹ *Graus F. Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger: Studien zur Hagiographie der Merowingerzeit*. Praha, 1965.

верности уже не в социальном, а в религиозном и духовном планах.²⁰ Из анализа агиографических текстов возник новый подход к изучению конца античности и истоков средневековой культуры.

Но отношения с общественными науками особенно помогли изучению агиографии в его выходе из обособленности, к которой его вынуждало происхождение, отмеченное сильным влиянием религиозной идеологии, и решительно направили его в сторону истории.

Главным героем диалога с общественными науками стал Марк Блок и историография школы «Анналов». Но со второй половины прошлого века еще явственнее обозначилось непосредственное влияние на историографию со стороны культурной антропологии через труды Владимира Проппа, Леви-Стросса и Эрнесто Де Мартино, который дал несколько в высшей степени убедительных и не устаревших толкований феноменам южноитальянской религиозной традиции.²¹ Что касается особенного влияния антропологии на изучение агиографии, то 1968 г. должен стать вехой в его периодизации, если вспомнить об одновременной публикации статьи «Hagiographie» «Encyclopaedia Universalis» М. де Серто (Certeau), которая открывала новые перспективы исследования с учетом преобладания пространственного аспекта над временным в агиографической литературе,²² и очерка Эвелин Патлажан (Evelyne Patlagean) в «Анналах», в котором исследовательница с помощью выработанных структурализмом категорий анализировала византийские агиографические источники высокого Средневековья, сосредоточив свое внимание на отношениях «человек / природа» и на отношениях противопоставления / взаимного дополнения между городом и пустыней.²³ Однако нужно помнить, что уже в 1967 г. Жак Ле Гофф опубликовал первое свое исследование, посвященное отношениям народных культур и культур элиты, и сделал центральными в своем анализе именно агиографические источники, которые были основными свидетельствами процесса христианизации в деревнях в эпоху высокого Средневековья — процесса, сотканного из фактов наложения друг на друга различных культурных явлений, их искажения и слияния.²⁴

Впоследствии его ученик Жан-Клод Шмитт проанализировал в серии исследований («Святая борзая») и размышлений взаимоотношения народной религии и фольклорной культуры в Средневековье, рассматривая «различные виды и образы предания агиографических легенд в отношениях с неоднородностью, функциями, структурами общества и их изменениями в истории. Нет

²⁰ Orselli A. M. L'idea del santo patrono cittadino nella letteratura latina cristiana. Bologna, 1965 (перевод: Orselli A. M. L'immaginario religioso della città medievale. Ravenna, 1985. P. 3—182).

²¹ De Martino E. 1) La terra del rimorso: Contributo a una storia religiosa del Sud. 3 ed. Milano, 1976; 2) Il mondo magico: Prolegomeni a una storia del magismo. Torino, 1997. Отсылаю к последнему изданию за библиографическими сведениями.

²² De Certeau M. Hagiographie // Encyclopaedia Universalis. Paris, 1968. Vol. 8. P. 207—209 (перевод: De Certeau M. L'écriture de l'histoire. Paris, 1975; на итал. яз.: La scrittura della storia. Roma, 1977. P. 298—300). Мишель Де Серто упоминается и ниже. См. примеч. 41.

²³ Patlagean E. A Byzance: Ancienne hagiographie et histoire sociale // Annales: E. S. C. 1968; на итал. яз. см. в изд.: Agiografia altomedievale. P. 191—213. Стоит упомянуть еще одну работу этого автора: Patlagean E. Santità e potere a Bisanzio. Milano, 1992.

²⁴ Le Goff J. 1) Cultura clericale e tradizioni folkloriche nella civiltà merovingia // Le Goff J. Tempo della chiesa, tempo del mercante. Torino, 1977. P. 193—207; 2) Cultura ecclesiastica e cultura folklorica nel Medioevo: san Marcello di Parigi e il drago // Ibid. P. 209—255.

тождественной самой себе в течение веков народной культуры, но постоянное перемещение линий социального и культурного разделения, непрерывное преобразование видов господства и видов подчинения, а также видов сопротивления этому господству или согласия с ним».²⁵ Влияние этой историографической линии не теряло своей важности, хотя менялись его виды и степени: представительной фигурой этой историографии является, несомненно, Арон Гуревич, в чьих исследованиях часто используется агиографическая литература, чтобы осознать «категории средневековой культуры».²⁶ Эта тема отсылает к важному периоду в развитии историографии, который поместил в центр народную культуру и главным действующим лицом которого стал, несомненно, Карло Гинзбург, способствовавший появлению коллективных размышлений, таких как собранные в монографическом номере «Исторических тетрадей» («Quaderni Storici») «Religioni delle classi popolari» («Народные религии»)²⁷

Итак, в 1960-е гг. общественные науки заняли свое место в области изучения агиографии. Социологический подход открыто заявлен в заглавии книги 1969 г. Пьера Делоза (*Pierre Deloos*) «**Sociologie et canonisation**» («Социология и канонизация»),²⁸ где святость толковалась как продукт общественной деятельности, а канонизация — как плод действий, подготовленных «группой давления». Группы давления и социальная функция культа находятся в центре интересов Жана-Мишеля Сальмана, который, с одной стороны, сосредоточивает свое внимание на процессах канонизации, связанных со святыми Неаполя в Новое время, чтобы понять нормы поведения, демонстрируемые кандидатом в святые, и восприятие святости обществом, а с другой, — под влиянием исследований по этнопсихиатрии Г. Девере (*G. Devereux*)²⁹ предлагает осторожное, но убедительное сопоставление христианского святого и шамана. Преодолев некое состояние психического или органического кризиса, тот и другой могут повелевать природой и решать задачи общественного умиротворения.³⁰

Значительно обогатила панораму тем (образцы святости, чудеса, мощи и т. д.) и дисциплин (литература, история, антропология и т. д.) конференция, проведенная в 1979 г. в Нантерре под руководством Эвелин Патлажан и Пьера Рише (*Pierre Riché*); ее материалы были изданы в 1981 г. под заглавием «**Hagiographie, cultures et sociétés (IVe—XIIe siècle)**». Она выявила также плодотворность изучения взаимодействия агиографического факта с социальным и культурным контекстом.³¹

²⁵ *Schmitt J.-C.* Le saint lévrier, guérisseur d'enfants depuis le XIIIe siècle. Paris, 1979.

²⁶ *Gurevič A. Ja.* Le categorie della cultura medievale. Torino, 1983 (оригинал. изд.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972).

²⁷ *Religioni delle classi popolari / A cura di C. Ginzburg = Quaderni storici.* 1979. № 41 (см. здесь: *Dislivelli culturali e mediazioni ecclesiastiche nei Dialogi di Gregorio Magno.* P. 398—415); *La littérature hagiographique comme source de l'histoire ethnique, sociale et économique de l'Occident européen entre Antiquité et Moyen Age // XVe Congrès International des Sciences Historiques.* Bucarest, 1980. *Rapports II: Chronologie.* P. 177—181; *Culto dei santi, istituzioni e classi sociali in età preindustriale.* L'Aquila; Roma, 1984.

²⁸ *Deloos P.* Sociologie et canonisation. La Haye, 1969.

²⁹ *Devereux G.* Essais d'ethnopsychiatrie général. Paris, 1970.

³⁰ *Visions indiennes, visions baroques: Le métissage de l'inconscient.* Paris, 1992; *Sallmann J.-M.* Naples et ses saints à l'âge baroque (1540—1750). Paris, 1994; на итал. яз.: *Santi barocchi.* Lecce, 1996.

³¹ *Hagiographie, cultures et sociétés, IVe—XIIe siècle.* Paris, 1981.

Агиография и историография

Историко-антропологический подход нашел свое наиболее известное выражение в книге Питера Брауна о происхождении, функциях и распространении культа святых в позднеантичном мире, опубликованной в 1981 г. Почитание святых стало в ней наиболее выгодной точкой обозрения, откуда просматривались крупные исторические преобразования. Известно, что автор видел в культе святых совершенно новое явление (причем отрицая при этом положение о замещении им языческих культов), рожденное потребностью материального и духовного покровительства в переживающем кризис мире. Подобным толкованием он окончательно отверг традицию, видевшую в этом культе выражение низшей религиозности, с которой церковная культура якобы вынуждена была «сотрудничать». На самом деле «создателями» культа были именно епископы V—VI вв., они выстраивали вокруг могилы святого новое общество и новые формы власти. Центральной в размышлениях автора является фигура Августина, который от первоначального отрицания перешел к полному принятию почитания мощей и чудес, становившихся доказательством возможной связи неба и земли.³²

Влияние книги Питера Брауна было огромным и дало общий ключ к толкованию этого явления на материале других эпох и в других контекстах. Однако не было недостатка и в противодействии, нашедшем наиболее значительное в научном отношении воплощение в коллективном труде «*Les fonctions des saints*» («Функции святых») под редакцией Шарля Пьетри, направленном на соотнесение социального и политического измерения с собственно богословским и духовным.³³ И можно сказать, что большая часть сочинений Клаудио Леонарди имеет целью истолкование святости как несущей конструкции истории спасения.³⁴

Столь же решительными в утверждении истории святости и почитания святых как темы, способной глубоко обновить историографию, стали многолетние изыскания Андре Вошеза о процессах канонизации, собранные в его шедевре «*La sainteté en Occident*», которому, конечно, не чуждо влияние антропологии и социологии, исходящее от упомянутого выше исследования Делооза. Автор реконструирует истоки и развитие канонизации как процедуры, налаженной Римской церковью для признания святости в процессе утверждения все более централизованной власти, начиная с XII в. Историк не только открыл дела о канонизации как исторический источник, но и разработал методологию их анализа, способного показать взаимодействие между церковными суждениями отбора-контроля и социальным восприятием религиозной исключительности.³⁵

³² *Brown P.* The Cult of the Saints. Chicago; London, 1981; на итал. яз.: *Il culto dei santi*. Torino, 1983

³³ *Les fonctions des saints dans le monde occidental*. Rome, 1991. (Collection d l'Ecole Française de Rome; Vol. 149); *Pietri Ch.* Les origines du culte des martyrs (d'après un ouvrage récent) // *Rivista di archeologia cristiana*. 1984. № 60. P. 293—310.

³⁴ Общий обзор см.: *Leonardi C.* Medioevo latino: La cultura dell'Europa cristiana. Tavarnuzze (Fi), 2004.

³⁵ *Vaucher A.* La sainteté au Moyen Age. Rome, 1981; 2 ed.: 1988; на итал. яз.: *La santità nel Medioevo*. Bologna, 1989. Канонизации являются предметом целой крупной историографической линии; приведу лишь некоторые примеры: *Woodward K. L.* The Making of the Saints. New York, 1990; на итал. яз.:

С этого момента агиография смогла вернуть себе решительную роль в развитии историографии, являя все новые способности к связыванию между собой крупных тем истории и сотрудничая с другими дисциплинами. Среди тем напомним почитание мучеников как важный момент для основания христианских сообществ и власти епископов в городах, новый опыт аскетизма и монашеской жизни, структурирования христианского мира вокруг епископов и аббатов — выходцев из поздней римской аристократии, потом из германской знати, святость королевского достоинства, центральное положение культов святых-покровителей в развитии городов в XI—XIII вв., городское общество как социальную базу для возникновения светской духовности, потом развитие нищенствующих орденов с новыми святыми-основателями, взаимное наложение гуманистической культуры и нового «благочестия» («*devotio*») в духовности и в агиографической письменности, критика Реформации и ответ Контрреформации, отвердение норм признания в новую эпоху с четким разделением того, что отныне принято называть святостью пережитой и святостью официальной, новые проблемы, возникшие в американских и азиатских миссиях, последствия революций и крупных социальных преобразований для религиозности и для выбора персоналий для канонизации.³⁶

Как видно, изучение агиографии охватывает хронологический период от истоков христианства до современности, и это закладывалось уже при начале агиографической науки. Некоторые положения, относящиеся к XIX и XX вв., показали потенциал агиографии в обновлении историографии Нового времени и особенно современной, которая долгое время сосредоточивала свое внимание на политическом и законодательном измерении явлений, за несколькими счастливыми исключениями.³⁷

Я говорила о способности интегрироваться с большими историческими темами, но в еще большей степени — о способности включать и развивать новые проблемы и новые подходы. Теперь ограничусь указанием на некоторые области, о которых можно сказать, что изучение агиографии оказало на них решительное влияние. Прежде всего, история женщин.³⁸ Тексты христианской

La fabbrica dei santi. Milano, 1991; *Dalla Torre G.* Santità e diritto: Sondaggi nella storia del diritto canonico. Torino, 1999; *Gotor M.* I beati del papa: santità, inquisizione e obbedienza in età moderna. Firenze, 2002.

³⁶ Здесь невозможно привести полную библиографию, за которой отсылаю к своей статье «La santità» и коллективному тому «Storia della santità nel cristianesimo occidentale», см. примеч. 2.

³⁷ Santi, culti, simboli nell'età della secolarizzazione (1815—1915). Torino, 1997. (Sacro/Santo; Vol. 11); I santi della Chiesa nell'Italia contemporanea / A cura di R. Rusconi. Bologna, 1997. (Cristianesimo nella storia; Vol. 18, N 3); Santi del Novecento: Storia, agiografia, canonizzazioni. Torino, 1998. (Sacro/Santo; Vol. 12).

³⁸ Основы новой истории женщин заложены трудами: *Zemon Davis N.* 1) «Women's History» in Transition: the European case // *Feminist Studies*. 1976. № 3/4. P. 84—103, на итал. яз.: La storia delle donne in transizione: il caso europeo // *Nuova DWF, Donnawomanfemme*. 1977. № 3 (aprile-giugno). P. 7—33; 2) *Donne di città e mutamento religioso // Society and Culture in Early Modern France*. Stanford, 1965; 2 ed.: 1987; на итал. яз.: **Le culture del popolo: Saperi, rituali e resistenze nella Francia del Cinquecento**. Torino, 1980. О творчестве ученой и ее полную библиографию см.: *Zemon Davis N.* L'histoire tout feu tout flamme. Entretiens avec Denis Crouzet. Paris, 2004; на итал. яз.: La passione della storia. Roma, 2006. Другой основополагающий этап представляет работа: *Pomata G.* La storia delle donne: una questione di confine // *Il mondo contemporaneo*. Vol. 10: Gli strumenti della ricerca. Firenze, 1981. P. 1434—1469. О развитии историографии женщин в отношениях к политическим и главным культурным событиям см.: *Percorsi del femminismo e storia delle donne: Atti del Convegno di Modena, 2—4 aprile 1982*. Roma, 1983. (NuovaDWF. Donnawomanfemme; Suppl. al № 22); *Zarri G.* La memoria di lei: Storia

религиозной истории хранят исключительные, т. е. не находимые в других источниках, исторические сведения о женском жизненном опыте, касающиеся великих героинь первых веков христианства, святых королев, женщин-мистиков, основательниц религиозных орденов, но также и более скромных фигур, таких как многочисленные женщины, ведшие святую жизнь в монашеских общинах или в других формах общежития, например в бегинских монастырях. Проанализированные в новом свете, эти тексты открыли новые горизонты истории женщин и отношений между мужчинами и женщинами, рассмотренных в диалектике между сферами индивидуального / спонтанного и объединяющего / нормативного, между государственной и неформальной властью.³⁹

И именно касающиеся женской святости тексты проясняют значение тела в религиозном контексте и реальный и символический смысл практик, связанных с «управлением» им: основополагающей работой в этой области является книга Кэролайн Уокер Байнум (Caroline Walker Bynum).⁴⁰ Духовный опыт получает свою очевидность в теле, через тело, и, в свою очередь, освященное тело становится отправной точкой распространения его святости. Разумеется,

delle donne, storia di genere / Con la collaborazione di C. Pancino e F. Tarozzi. Torino, 1996; Innesti: Storia delle donne, storia di genere, storia sociale. Roma, 2004. Библиография истории женщин теперь весьма велика, поэтому приведу лишь несколько примеров: *Becoming Visible: Women in European History*. Boston, 1977 (2 ed.: 1987); *Storia delle donne: 5 voll.* Roma; Bari, 1990—1992; *Une histoire des femmes est-elle possible?* Paris, 1984. Важно напомнить влияние истории женщин на историю религий: *Gender and religion: European Studies = Genre et religion: Etudes Européennes*. Roma, 2001; *Gender, Religion and Diversity: Cross-Cultural Perspectives*. London; New York, 2004; *Gender, Religion and Human Rights in Europe*. Roma, 2006; *Donne tra saperi e poteri nella storia delle religioni*. Brescia, 2007.

³⁹ Внимание к соотношению мужского / женского давно присутствует в исследованиях святости, начиная с работы: *Vaucher A.* «La sainteté», как и во всем его творчестве, например: *Vaucher A.* 1) *Saints, prophètes et visionnaires: Le pouvoir surnaturel au Moyen Age*. Paris, 1999; на итал. яз.: *Santi, profeti e visionari: Il soprannaturale nel Medioevo*. Bologna, 2000; 2) *Esperienze religiose nel Medioevo*. Roma, 2003. (*Sacro/Santo*. N. s.; Vol. 5); оно представлено также в упомянутом выше коллективном томе «*Storia della santità nel cristianesimo occidentale*». См. также библиографию: *Borresen K. E.* 1) *Le madri della Chiesa: Il Medioevo*. Napoli, 1993; 2) *The Image of God: Gender Models in Judaeo-Christian Tradition*. Minneapolis, 1995; на итал. яз.: *Immagine di Dio: Modelli di genere nella tradizione giudaica e cristiana*. Roma, 2001; *From Patristics to Matristics: Selected Articles on Christian Gender Models*. Roma, 2002. См. также библиографию: *Boesch Gajano S.* *La santità*. Roma; Bari, 1999. Среди многочисленных начинаний итальянской историографии выделяются: *Ragnatele di rapporti: Patronage e reti di relazione nella storia delle donne*. Torino, 1988; *Valerio A.* *Cristianesimo al femminile*. Napoli, 1990; *Mistiche e devote nell'Italia tardomedievale*. Napoli, 1992; *Modelli di santità e modelli di comportamento: Contrasti, intersezioni e complementarità*. Roma, 1994. (*Sacro/Santo*; Vol. 10); *Donne sante, sante donne: Esperienza religiosa e storia di genere*. Torino, 1996; *Le donne cristiane e il sacerdozio: Dalle origini all'età contemporanea*. Roma, 2004; *Piola A.* *Donna e sacerdozio: Indagine storico-teologica degli aspetti antropologici dell'ordinazione delle donne*. Torino, 2006. (*Studia Taurinensia*; Vol. 18).

⁴⁰ *Walker Bynum C.* 1) *Holy Fast and Holy Feast*. University of California Press, 1987; на итал. яз.: *Sacro convivio sacro digiuno: Il significato religioso del cibo per le donne nel Medioevo*. Milano, 2001; 2) *Jesus as Mother: Studies in the Spirituality of the High Middle Ages*. Berkeley; Los Angeles; London, 1984; 3) *Fragmentation and Redemption: Essays on Gender and the Human Body in medieval Religion*. New York, 1991 (2 ed.: 2001); 4) *Corpo femminile e pratica religiosa nel tardo medioevo // Donne e fede: santità e vita religiosa in Italia*. Roma; Bari, 1994. P. 115—155. Проблематика телесности привлекала внимание и других ученых: *Bell R. M.* *Holy Anorexia*. Chicago; London, 1985; на итал. яз.: *La santa anoressia: Digiuno e misticismo dal medioevo a oggi*. Roma; Bari, 1987; *Brown P.* *Body and Society*. Cambridge University Press, 1988; на итал. яз.: *Il corpo e la società: Uomini, donne e astinenza sessuale nei primi secoli cristiani*. Torino, 1992; *Rousselle A.* *Porneia*. Paris, 1983; на итал. яз.: *Sesso e società alle origini dell'età cristiana*. Roma; Bari, 1985; *Sexualité et religions*. Paris, 1988; *L'eros difficile: Amore e sessualità nell'antico cristianesimo*. Soveria Mannelli, 1998. Возможности этой темы подтверждаются также работой: *Le corps et le sacré en Orient musulman*. 2007. (*Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*; N 113/114).

что тексты мистические и вообще все написанное женщинами привлекали постоянный интерес литературоведов и историков: я имею в виду том «*Scrittrici mistiche italiane*» («Итальянские мистические писательницы») под редакцией Дж. Поцци и К. Леонарди, исследования Мино Бергамо и Изабель Путрен, составившей обширный перечень писательниц Испании Нового времени.⁴¹

В монографии Марилены Модики и Сары Кабиббо религиозное измерение, проанализированное на примере сочинений одной святой (Изабеллы Томази ди Лампедуза), показательным образом пересекается с социальным и правовым. Эта книга перебрала прочный и долговечный мост между агиографией и историографией.⁴²

Различные виды женского опыта, рассматриваемые в их социальном измерении, являются главным предметом исследований Анны Бенвенути, представляющих значительный в своем новаторстве вклад в историю итальянской городской культуры в центральные столетия Средневековья.⁴³ А Габриелла Дзарри (*Zarri*) весьма оригинальным образом проследила тему женской религиозности, сосредоточив свое внимание на «святых при жизни», т. е. на фигурах «благочестивых советниц» итальянских государей начала XVI в., потом обратившись к проблемам культурной продукции, произведенной женщинами или под их руководством, и по-новому осветив женский мир в эпоху после Тридентского собора, а затем сфокусировалась на проблеме «притворной святости», которая благодаря множеству источников позволяет уяснить духовные, культурные, правовые, а также медицинские и психологические аспекты разнообразной панорамы женской религиозности на рубеже Средневековья и Нового времени.⁴⁴ Политика и культура являются основными компонентами предложенной Стефано Андриетта биографической реконструкции одной «неудавшейся святой», Изабеллы, принадлежавшей к младшей ветви большой фамилии Фарнезе.⁴⁵ А недавнее исследование Сары Кабиббо истории культа святой Розалии в Палермо представляет другой в высшей степени счастливый пример плодотворности взаимодействия между историей святости и культов, историей религиозных орденов, историей политики и государственных учреждений.⁴⁶

⁴¹ Напомню классика: *De Certeau M.* La fable mystique: XVIe—XVIIe siècle. Paris, 1982, итал. перев.: *Fabula mistica: La spiritualità religiosa tra il XVI e il XVII secolo.* Bologna, 1987; за которым последовали: *Esperienza religiosa e scritture femminili tra medioevo età moderna.* Acireale, 1992. (Università di Catania, Quaderni del Dipartimento di Scienze Storiche Antropologiche Geografiche; Vol. 21); *Poutrin I.* Le voile et la plume: Autobiographie et sainteté féminine dans l'Espagne moderne. Madrid, 1995. (Bibliothèque de la Casa Velazquez; Vol. 11); см. также тома под ред. Г. Дзарри, упоминаемые в примеч. 44.

⁴² *Cabibbo-M. Modica S.* La santa dei Tomasi. Torino, 1989.

⁴³ *Benvenuti A.* «In castro penitentiae»: Santità e società femminile nell'Italia medievale. Roma, 1990. (Italia Sacra; Vol. 45)

⁴⁴ *Zarri G.* Le sante vive. Torino, 1990. (Sacro/Santo; Vol. 3). Среди коллективных исследований см.: *Finzione e santità.* Torino, 1991. (Sacro/Santo; Vol. 7); *Donne e fede; Donna, disciplina, creanza cristiana dal XV al XVII secolo: Studi e testi a stampa.* Roma, 1996; *Per lettera: La scrittura epistolare femminile tra archivio e tipografia, secoli XV—XVII.* Roma, 1999; *Storia della direzione spirituale. Vol. 3: L'età moderna.* Brescia, 2008.

⁴⁵ *Andretta S.* La venerabile superbia: Ortodossia e trasgressione nella vita di Suor Francesca Farnese (1593—1651). Torino, 1994. (Sacro/Santo; Vol. 9).

⁴⁶ *Cabibbo S.* Santa Rosalia tra cielo e terra: storia, rituali, linguaggi di un culto barocco. Palermo, 2004.

В русле исследований уже выявленного антропологическим подходом пространственного измерения истории и истории святости, как она засвидетельствована агиографическими текстами, в 1990-е гг. значительно усилилось внимание к диалектике религиозного опыта и места его осуществления. Том «*Luoghi sacri e spazi della santità*» («Святые места и пространства святости») предлагал возможные аспекты проблемы: от пространства как орудия осуществления покаяния и как объекта процесса сакрализации, а следовательно, преобразования в смысле социального восприятия и государственного контроля, до пространств мистических и явленных в видениях, пространств воображаемых и изображенных.⁴⁷ С тех пор постоянно росло внимание к отношениям между религиозной жизнью и священными пространствами,⁴⁸ особенно в Италии — на примере кадастровой переписи итальянских храмов.⁴⁹

Еще две темы, избранные в качестве примеров плодотворного вклада агиографии в историографию, открывают новые исследовательские сценарии, в значительной мере отмеченные междисциплинарным подходом. Я имею в виду изображения, рассматриваемые, как уже говорилось, вполне в качестве агиографических текстов, особенно после примеров Кьяры Фругони и ее исследования о Франциске Ассизском⁵⁰ или Роберто Рускони. Не следует, однако, пренебрегать материальной и художественной идентичностью этих изображений, их типологическим разнообразием и множеством их мемориальных и обрядовых функций.⁵¹ Я имею в виду также многочисленные обрядовые объекты, особенно ковчеги с мощами, которые нужно рассматривать в их типологическом многообразии, простирающемся от простого «амулета» до драгоценного

⁴⁷ *Luoghi sacri e spazi della santità*. Torino, 1990. (Sacro/Santo; Vol. 1).

⁴⁸ О религиозном опыте и местностях см.: *Boesch Gajano S.* 1) *Gli spazi della santità // Diventare santo: Itinerari e riconoscimenti della santità tra libri, documenti e immagini*. Città del Vaticano; Cagliari, 1998. P. 17—23; 2) *Des 'loca sanctorum' aux espaces de la sainteté: étapes de l'historiographie hagiographique // Revue d'histoire ecclésiastique*. 2002. № 95. P. 48—70. Об отношениях между агиографическим письмом и построением политико-территориальной идентичности см.: *Europa Sacra: Raccolte di vite di santi e identità politiche fra Medioevo e Età moderna*. Roma, 2002.

⁴⁹ Помимо веб-сайта, можно назвать множество результатов исследования: *Lieux sacrés, lieux de culte, sanctuaires: Approches terminologiques, méthodologiques, historiques et monographiques*. Rome, 2000. (Collection de l'Ecole Française de Rome; Vol. 273); *Per una storia dei santuari cristiani d'Italia: approcci regionali*. Bologna, 2002. (Annali dell'Istituto storico italo-germanico di Trento, Quaderni; Vol. 48); *Santuari cristiani d'Italia: Committenze e fruizione tra medioevo e età moderna*. Rome, 2003. (Collection de l'Ecole Française de Rome; Vol. 317); *La geografia dei santuari fra medioevo e età moderna*. Bologna, 2004; *I santuari francesi e italiani nel mondo contemporaneo: Tradizioni, riprese, invenzioni*. Rome, 2005; *Il censimento dei santuari tra dinamiche istituzionali e devozione popolare*. Bari, 2005; *Culti, santuari, pellegrinaggi in Sardegna e nella Penisola Iberica tra medioevo e età contemporanea*. Genova, 2006; *I santuari cristiani d'Italia: bilancio del censimento e proposte interpretative*. Rome, 2007; *Lo spazio del santuario: Un osservatorio per la storia di Roma e del Lazio*. Roma, 2008. (Le Chiese d'Italia; Vol. 3). Об истории этих исследований см.: *Boesch Gajano S.* *I santuari cristiani in Italia: Percorsi e prospettive di una ricerca // Rivista di Storia del Cristianesimo*. 2005. Vol. 2, N 2. P. 501—515.

⁵⁰ Ограничусь указанием на труд, который считаю ее шедевром: *Frugoni C.* *Francesco e l'invenzione delle stimmate: Una storia per parole e immagini fino a Bonaventura e Giotto*. Torino, 1993.

⁵¹ См. доклад Р. Рускони в наст. изд.

и утонченного художественного произведения,⁵² а также проблему чуда, сопровождающего всю историю святости во всей ее длительной диахронии.⁵³

Заключение

Эта моя «апология агиографии» уже затянулась. И все же я должна напомнить в качестве примера, как откликаться на насущные проблемы, что вызовы истории вроде растущей культурной и политической значимости религии как феномена современного общества потребовали историографического сопоставления монотеистических религий и перехода от богословских и антропологических оснований к вопросу о правах человека.⁵⁴ Интенсификация сравнительного подхода в разных областях позволяет наряду с важными моментами морфологического сходства выявить новые возможности интерпретации.

*I have a dream.*⁵⁵ И будь я в другом возрасте, то занялась бы ее исполнением. Исследование, — коллективное, диахроническое, междисциплинарное (в данном случае я думаю также об истории медицины), межкультурное, — отношений между святостью и безумием: способное прояснить во все более сложных формах прекрасно известный тип святого, имевший свой прообраз в Византии, оригинальное развитие на Руси, некоторые варианты на Западе и, наконец, многие аналогии в исламской культуре. Это исследование должно было бы основываться на выделении научных, религиозных, социальных параметров, которые в различных обществах устанавливают границу между тем, что есть или должно быть нормальным, и тем, что должно рассматриваться как исключительное в двойственном понимании осуждаемого и возвышенного, ненормального и святого.

Агиография еще могла бы оказаться в чем-то полезной для понимания прошлого, настоящего и, быть может, будущего.

⁵² Среди обширной библиографии (за которой отсылаю к моей статье: *Boesch Gajano S. La santità*. P. 138—139) напомним: *Heinzelmann M. Translationsberichte und andere Quellen des Reliquienkultes*. Turnhout, 1979. (Typologie des sources du Moyen Age occidental; Vol. 33); *Les reliques: Objets, cultes, symboles*. Turnhout, 1999. **Все более пристальное внимание уделяется соотношению «мощи / реликварий»**, о чем свидетельствует: *La tesaurizzazione delle reliquie / A cura di S. Boesch Gajano*. Roma, 2005. (Sanctorum; № 2); *Sbardella F. Antropologia delle reliquie*. Bologna, 2007 (см. рец.: *Coda C. // Sanctorum*. 2008. № 5).

⁵³ *Boesch Gajano S. Uso e abuso del miracolo nella cultura altomedioevale // Les fonctions des saints*. P. 109—122; на англ. яз.: *The Use and Abuse of Miracles in Early Medieval Culture // Debating the Middle Ages: Issues and Readings*. Malden (Mass.); Oxford, 1998. P. 330—339; *Miracoli: Dai segni alla storia; Notai, miracoli e culto dei santi: Pubblicità e autenticazione del sacro tra XII e XV secolo*. Milano, 2004. (Studi Storici sul Notariato Italiano; Vol. 12).

⁵⁴ Некоторые моменты нового плодотворного сопоставительного подхода представлены в труде: *Saints orientaux*. Paris, 1995. (Hagiographies médiévales comparées; Vol. 1); *Miracle et kharama*. Turnhout, 2000; *Baumgarten J. Récits hagiographiques juifs*. Paris, 2001, на итал. яз.: *Il saggio, il giusto, il pio: I racconti agiografici ebraici*. Roma, 2007; *Christian and Islamic Gender Models in Formative Traditions*. Roma, 2004; *Saints et sainteté dans le christianisme et l'islam: Le regard des sciences de l'homme*. Paris, 2007; *Barone G., Scarcia Amoretti B. Maschio e femmina // Storia d'Europa e del mediterraneo dal medioevo all'età della globalizzazione*. Roma, 2007. Sez. 4. Vol. 9. P. 51—87.

⁵⁵ У меня есть мечта (англ.). — Примеч. переводчика.